

"КРУГ ЧТЕНИЯ" ГАЛИНЫ КУЗНЕЦОВОЙ КАК ИМПУЛЬС К ТВОРЧЕСКОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

GALINA KUZNETSOVA'S "SPHERE OF READING" AS AN IMPETUS TO CREATIVE SELF-DETERMINATION

Wang Yin
M. Mikhailova

Annotation

The article reveals the importance of literary sources for the writing maturation of the writer, specifically analyzes "high patterns" of dairies as an impetus to create a diary about a writer (what could the author of "Grasse diary" rely on, when the protagonist of the book is I.A. Bunin). The moments of G.N. Kuznetsova's study with the writers—contemporaries (both Russian and French, even origin English) are recorded. The conclusion about the aesthetic principles is drawn, which becomes a support for her in the "school" of writing skills.

Keywords: I.A. Bunin, G.N. Kuznetsova, reading, French writers, Russian literature, dairy, writing impetus.

Ван Инь

Аспирант,

МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна

Д. филол. н., профессор,

МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье раскрывается значение обращения к книжным источникам для творческого созревания Г.Н. Кузнецовой. Конкретно анализируются "высокие образцы" ведения дневников как импульс к созданию дневника о писателе, т.е. расшифровывается, на что могла опираться автор "Грасского дневника", в котором главным действующим лицом является И.А. Бунин. Зафиксированы моменты "учебы" Г.Н. Кузнецовой у писателей—современников (как русского, так французского и английского происхождения). Сделан вывод об эстетических принципах, которые становятся для нее опорой в "школе" писательского мастерства.

Ключевые слова:

И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова, чтение, французские писатели, русская литература, дневник, творческий импульс.

Интерес современной гуманитарной науки к эго-документам на протяжении последних десятилетий не ослабевает. "Эго-документ" – обобщающее именование таких документальных жанров, как дневники, записные книжки, письма, автобиографии, заметки, воспоминания и мемуары. "Грасский дневник" Галины Кузнецовой, как и некоторые другие материалы [7;8], на протяжении многих десятилетий рассматривался учеными исключительно как хроника "грасского" периода жизни и творчества И.А. Бунина, а также бытовой и интеллектуальной жизни парижской ветви русской эмиграции конца 1920-х – начала 1930-х годов. Заметим, что "Грасский дневник" активно использовался буниноведами в чисто утилитарном плане: как источник биографических и фактографических сведений [5;6]. По справедливому замечанию Ю.Л. Троицкого, личные дневники содержат несколько тематических линий: 1) фиксация и описание "внешних" событий, свидетелем которых был автор дневника: встречи, разговоры, споры, впечатления от путешествий; 2) описание так называемых "внутренних" событий: мысли, идеи, мечтания, душевные состояния и переживания; 3) обращения автора дневника к самому себе с целью самоизменения, само-совершенствования [4, 16]. Так вот, учитывая, что "фиксирование внешних событий превращает личный днев-

ник в важный источник для реконструкции тех или иных исторических явлений, свидетелем которых стал автор" [4, 17]. Бунинисты обращались только к "первой" из обозначенных линий. Нас же в данной статье будет прежде всего интересовать "третья линия", дающая представление о том, как вызревало в авторе желание творить. Но для этого важно "восстановить" и "личностную сущность ведущего дневник, заглянуть в его ментальный мир и реконструировать его самоощущения" [4, 17], что также будет сделано в настоящей работе. При этом избран особый ракурс – учет тех импульсов, которые автор получал от прочитанного. Это помогает развить тезис О.Р. Демидовой, утверждающей, что дневник Кузнецовой "при внимательном и непредубежденном чтении <...> предстаёт как история становления человеческой и творческой индивидуальности автора <...>, как хроника нелёгкого процесса обретения себя и обретения своего места в мире..." [2, 2]. В этой связи как неоспоримы мы принимаем посыл О.Г. Егорова, считающего, что "дневник – не произведение искусства в том смысле, что в нём менее всего "искусственного". Дневники не сочиняются, они ведутся. В них читатель не имеет дело с посредниками, а имеет дело с самой личностью автора. Дневник не отражает образ человека – он часть его самого" [1,3].

Мысль о ведении дневника посещала Кузнецову и прежде. Имеются сведения, что во время своего пребывания в Константинополе она вела дневник (местонахождение и сохранность неизвестны), записи которого впоследствии помогли ей воссоздавать канву своего "бегства" с родины при написании художественных произведений. Показательно, что вести записи в Грассе она начинает вести спустя три недели после приезда. Первая запись датируется 19 мая 1927 г. Совершенно очевидно, что Кузнецова приехала в первую очередь учиться у И.А. Бунина писать (следует напомнить, что и "до Бунина" Кузнецова уже публиковала стихотворения и рассказы в эмигрантской печати, но уже лет пять ходила в так называемых "начинающих авторах"), а не "записывать" факты, касающиеся жизни мэтра. Поэтому буквально первая же фраза "Грасского дневника" – это выраженное сожаление: "Написала всего два стихотворения, прозы же никакой". Кузнецова надеется на то, что природа южной Франции будет способствовать стабильному вдохновению, но, видимо, этого не происходит: "Всё хожу, смотрю вокруг, обещаю себе насладиться красотой окружающего как можно полнее, потом работать, писать, но даже насладиться до конца не удается. Пустынные сады, террасами лежащие вокруг нашей виллы, меня манят большей частью платонически" [2, 28]. Зато совсем "не платонически" воспринимаются ею книги, которые она постоянно читает, выбирая их по большей части по рекомендации Бунина и его друзей, но иногда явно руководствуясь и собственным выбором. И показательно, что и природа воспринимается ею через книгу: когда она смотрит на "дикие Моря" (горы – В.И., М.М.), память услужливо подсказывает: "в которых скитался Мопассан" [2, 28].

Кузнецова умеет подпитываться прочитанным: чтение и книги её вдохновляют. На страницах "Грасского дневника" присутствует немало суждений и замечаний по поводу прочитанных произведений классической и современной литературы. Это и Пушкин, Достоевский, А.Н.Толстой, Набоков (Сирин). А среди зарубежных – Марк Аврелий, Э.Золя, О.Хаксли (в написании того времени Гёксли), О.Мирбо, П.Луис и др. Она даже удивляется, как прочитанное может кого-то не волновать. Узнав, например, что французский писатель Пьер Лоти, "по собственному его признанию", "целыми годами не брал книги в руки", Кузнецова с изумлением восклицает: "Как же он писал?". Она приводит слова В.Н. Муромцевой о том, что у Лоти "была такая древняя культура в крови", что "внешняя ему уже была почти не нужна". Ее реплика на это суждение выдает внутреннее несогласие: "Все это хорошо, но все же..." [2, 66]. Т.е. для нее мир окружающий и мир книжный – равноценны, импульсы, идущие от книг, и наблюдаемое вовне одинаково важно. Кстати, имя Лоти неоднократно будет всплывать на страницах дневника: Иван Алексеевич в 1932 вслух будет читать его роман "Три дамы из Казбы" на французском языке и

тут же его переводить, причем, по замечанию Кузнецовой, "хорошо" (русский перевод этого романа звучал как "Три дамы из Казбаха" и был помещен в восьмом томе дореволюционного собрания сочинений Пьера Лоти в 12 томах, 1910–1911). Это чтение рождает у Кузнецовой желание "перечитать всего Лоти", и начинается она с "Исландского рыбака", замечая попутно: "<...> как все это просто и вместе с тем здорово, прелестно" [2, 278]. Её восхищает "простота" описания. К тому же она будет стремиться в своих произведениях, уходя от сюжетности и занимательности, сосредотачиваясь на бытовом и житейском. И это очевидно корреспондирует с оценкой Бунина, которая вырвалась у него при чтении "Размышлений" Марка Аврелия: "Но какая простота, благородство, и как это возвышает!" [2, 291]. Говоря о "простоте" и "благородстве", он имеет в виду запечатление "трещинок на хлебе", "нахмуренного чела льва", "колосьев и пены на лыках кабана" [2, 298].

У Кузнецовой довольно быстро вызревает решение воспользоваться возможностью, которую предоставляла ей судьба: наблюдать за выдающимся человеком не издали, а находясь вблизи, постигая его во всех проявлениях: житейских, бытовых, возвышенных, в различных состояниях духа, душевных движениях и пр. В связи с этим такое большое значение приобретают для нее дневники и мемуары и, конечно, те произведения, в которых так или иначе отражается взгляд на писателя со стороны. К таким можно отнести роман французского писателя Г. Норманди (G. Normandy) "Конец Мопассана" (La fin de Maupassant. Paris, 1927), который произвел огромное впечатление и на Бунина (он даже создал некий параллельный текст к этому произведению и даже назвал его так же, словно "вышил" по существующей канве свой узор). Кузнецова догадывается, что могло так заинтересовать русского писателя, который с юных лет задумывался о финале жизни. Эта хорошо знакомая ей особенность "передается" и ей – недаром и в ее художественных произведениях вечная тема завершения жизненного пути звучит особенно остро. Интерес ее к теме смерти подтверждается следующей записью: "В корзинке с книгами нашла Книгу о смерти Андреевского и читала её эти два дня". Причем важно, что книгу она читает после Бунина. Видит подчеркнутые его рукой места и утверждает в мысли, что "книга замечательная и местами написана с силой первоклассной" [2, 157].

Что же касается запечатления облика писателя, то можно предположить, какое значение имела для нее реплика Бунина по поводу "воспроизведения" образа Анатоля Франса в книге Поля Морана "Париж–Томбукту". Бунин осудил "мелочность" подхода автора к изображению великого человека: "И это всё, что он мог сказать об Анатоле Франсе? И зачем он вообще пишет о таких пустяках?" Она понимает, что и ей в своем дневнике следует избегать такого подхода, в устах Бунина обозначен-

ного, как "микроскоп и искусственность..." [2, 106, 107]. Думается, что значительно более полезным для нее оказывается знакомство с записями секретаря А.Франса Ж.Ж. Бруссоном, составившими его книгу "Anatole France en pantoufles" (Paris, 1923), переведенную в 1925 г. на русский язык как "Анатоль Франс в туфлях и халате". Возможно, неслучайно эту книгу читает ей и Верре Николаевне Бунин вслух. Вероятнее всего, ему импонирует сочетание доверительности, интимности и уважительности, которое определяет интонацию повествования. Недаром Кузнецова замечает: "Конец слушали с особым интересом. И.А. охрип, у меня горели щеки", – и с огорчением констатирует: "<...> ни один критик не заметил главного – талантливости книги" [2, 69]. Думается, что это и мнение самого Бунина, читавшего книгу вслух, подолгу, до хрипоты...Кузнецова знакомится и с другими биографиями писателей. Во всяком случае, как следует из записи от 6 октября 1931 года, она читала книгу А. Моруа о Байроне.

Очень выразительно в этом отношении упоминание о чтении книги Шестова: "Читаю Шестова. Много говорю о нём с И. А." [2, 127]. Предположительно это было философское сочинение "На весах Иова (Странствие по душам)", которое буквально захватывает ее, что подтверждается записью: "<...> сколько времени и как я живу его [Шестова. – В.И., М.М.] книгой!" [2, 129]. Она даже рассказывает Бунину одну из легенд о "зрячем ангеле", изложенную автором, которую писатель хочет включить в свой роман. Но если легенду она воспроизводит на страницах дневника в пересказе, то одну фразу записывает точно. И, видимо, она становится той путеводной нитью, которой Кузнецова руководствуется при ведении своего дневника. Вот эта фраза: "Порфирий, биограф и ученик Плотина, озабоченный – как и все биографы и преданные ученики, больше всего тем, чтоб обеспечить своему учителю благоговейное удивление потомства..." [2, 129–130]. Из этой фразы становится понятно, что она решает для себя быть тем "преданным учеником", который сохранит для потомства восхищение, внушенное ему учителем. Она с честью выполнила поставленную задачу. Но чувствуется еле заметная ирония в фиксации именно этой фразы, из чего можно заключить, что избранная роль и соответствующая этой роли модель поведения ей не по душе. На страницах "Дневника" будет заметно, как она пытается от этой роли освободиться. Но реальная свобода будет осуществлена не в творческом воплощении, а в жизни...

Знаменательно, что спустя всего 5 месяцев после приезда Кузнецова начинает читать "Жизнь Гете" (комментатор издания дневника предполагает, что это был двухтомник А.Бельшовского "Гете, его жизнь и произведения" в двух томах, вышедших соответственно в 1898 и 1908 гг.; но вполне возможно, что это была и какое-то другое биографическое сочинение), что подтверждает

наше предположение, что ей требуются образцы. Она дает прочитанному такую характеристику: "Какое здоровье природы! Мимо, мимо всего, все чувствуя, но не погибая от своих чувств, не растекаясь в напрасных сетованиях на судьбу, любя жизнь, беспрестанно возобновляясь, любя искусство, свою молодость, расцветая опять и опять!..." [2, 68]. В этом восхищении Гете, а она прямо и указывает на свое восхищение, чувствуется неявно выраженный упрек к тем, кто иначе воспринимает жизнь. К себе? К Бунину? Вполне можно допустить, что она уже начала понимать бунинский характер, в котором много есть от упоения и страстного наслаждения жизнью, но в сочетании с готовностью впасть в отчаяние при виде уходящей молодости, ощущая нелады со здоровьем и т.п. (она считает, что "у него ведь все от внушения" [2, 94]) Однако и ей самой тоже свойственно раскисать и падать духом, хотя она сама и борется с этим свойством своего характера. Т.е. буквально каждое прочитанное произведение "примеряется" ею на себя и свое окружение.

В основном это происходит, когда она задумывается о своем творчестве, о своих способностях и начинает сомневаться, готова ли посвятить тяжелому писательскому труду свою жизнь. Чтобы понимать, что составляет суть существования писателя, она берется за книгу о жизни Альфреда де Виньи (конечно,) и неожиданно открывает для себя, что "в каждой из таких [писательских. – В.И., М.М.] душ есть одинаковые черты. Весьма знакомые и мне" [2, 81]. Обращение дневникам и письмам английской писательницы Кэтрин Мэнсфилд (Бунин по ее просьбе привез книгу, изданную в 1927 на английском языке, из Канн), можно считать, по-своему, симптоматичным. Она с предельной пристальностью в их строки, ища у нее аналогичных своим сомнениям, обнаруживая "те же симптомы общей писательской болезни": стремление к одиночеству, с одной стороны, и "тягость одиночества", с другой. И вот итог, который она делает в процессе этого чтения: нужно "заниматься прежде всего воспитанием себя, себя, себя" [2, 289], не отвлекаясь даже на творчество. Кузнецову, конечно, привлекают в первую очередь женские мемуары и дневники. Ей важно уловить "женский взгляд" на события. По поводу мемуаров дочери Тютчева она замечает: "Как написана смерть Николая I-ого! Страшно делается" [2, 127]. Т.е. ее потрясает мастерство изобразительности, на которую способна женщина.

Вообще попадание той или иной книги в руки воспринимается Кузнецовой почти мистически. Вот что, например, она пишет об "Испанских письмах" Ж. Лакретеля, вышедших в свет в 1926 г.: "Замечательно, как люди, мучимые какой-либо тайной болью, нападают на книги, в которых говорится как раз об их боли" [2, 94]. Самораскрытие своих переживаний происходит, как видим, опосредованно, через характеристику книги. Следовательно

но, и "набрела" она на творчество Лакретеля неслучайно. Вот как о нем написано в "Литературной энциклопедии": "Ставя в большинстве своих произведений проблему столкновения личности—одиночки с обществом, он ищет ее разрешения на пути отказа от активной социальной практики. Стремясь уйти от действенной социальной борьбы, Л. культивирует в своих произведениях мотивы эротически окрашенного самосозерцания и самопознания, характерные для утонченного психологизма" [3, 37]. Наверное, и ей в это время близка позиция отрешенности и уединения, что помогает "самосозерцанию и самопознанию". Об этом писателе много говорилось в литературных кругах, и направление его творческих устремлений не могло не импонировать Кузнецовой. А постоянно ощущаемая Кузнецовой "боль" обусловлена и ее довольно—таки ложным положением в доме Буниных, и не до конца определившейся жизненной целью. Ведь, как известно, она все же в итоге отказывается от удачно складывающегося писательского поприща и уходит в "никуда". Но пока она живет в семье Буниных, ее, естественно, мучает создавшаяся ситуация: необходимость выстраивать сложную линию поведения с Верой Николаевной, принимать на себя, хотя бы частично, обязанности хозяйки дома. Поэтому и в книгах она ищет отзвук сложившихся обстоятельств. Показательна следующая запись: "Прочла залпом "Воспоминания" Ал. Толстой (Воспоминания дочери Л. Н. Толстого Александры Львовны опубликовались в журнале "Современные записки" в 1931 (№ 45. С. 5—54, № 46. С. 138—159, № 47, С. 182—223)). Ужасно тяжело стало! Жизнь так трудна. И вот и в этих записках, замечательно просто и смело написанных, видна эта мука и тяжесть целой семьи, такой неладной и несходной между собой" [2, 232]. Не менее важным становится для нее и чтение книги Полнера "Толстой и его жена. История одной любви" (1928). Не надеется ли она найти в ней разгадку бунинского отношения в Вере Николаевне и себе? Останавливает внимание записанная фраза: "Ей [Софье Андреевне. — В.И., М.М.] тоже [курсив наш. — В.И., М.М.] было тяжело <...>" [2, 98]. Так и напрашивается продолжение этой фразы: тоже тяжело, как и мне... Вчитывается она и в книгу "Живой Толстой". И все это на фоне беспрестанных разговоров о Лье Николаевиче, которые ведутся в Грассе: "Толстой неизменно живет с нами в наших беседах, в нашей обычной жизни" [2, 91], — и писания Буниным статьи о писателе для газеты "Последние новости". Как видим, традиционным в Грассе было "совместное чтение" с последующим обменом мнениями. "Гиппиус дала мне прочесть рассказ Сологуба "Жало смерти", с тем чтобы показать его значительность и пронзительность. Рассказ этот мы читали вслух вечером" [2, 142]; "За завтраком говорили о Толстом, Достоевском, К. Леонтьеве и Ходасевиче, о прозе Пушкина" [2, 233].

Не менее важным, чем чтение автодокументальной прозы, становится для нее и чтение беллетристики. При

выборе книг она ориентировалась, как уже говорилось, в первую очередь на художественные интересы и литературные предпочтения И.А. Бунина, прислушивалась к его рекомендациям, но что—то брала и для собственной "учебы". Так, из "Песен Билитис" П. Луиса она хочет перенять форму, которая "допускает большую свободу, чем стихотворения" [2, 81], а перечитывая "Красную лилию" А. Франса следит за "нитками, которыми автор вязал фабулу" [2, 158]. Много дало Кузнецовой чтение Пруста. Вот наиболее характерные дневниковые записи: "Совершенно погрузилась в Пруста" [2, 130]. Чуть позже почти дословный повтор: "Вчера И. А. весь день писал, а я читала в саду Пруста. Совершенно погрузилась в это чтение" [2, 135]. Пруст оказывается для нее настолько важен, что она начинает его переводить, хотя и недоумевает по этому поводу: "<...> зачем я это делаю?" И сама же отвечает себе: "Чтобы заставить прочесть это и И.А., и поговорить с ним об этом, и чтобы это стало отчасти и "моим, пропущенным через меня"" [2, 134]. И сразу же после этого умозаключения она переходит к размышлению о собственном переживании времени, которое "течет, однако, медленно, особенно в промежутки от завтрака до 4—х часов, наименее любимое мною время из всего дня из—за своего какого—то беспощадного, слишком резкого и трезвого света, от которого решительно некуда спрятаться <...>" [2, 134]. В этом пассаже сквозит явно прустовское сопряжение течения времени, освещения и эмоционального восприятия "связки" этих компонентов! Кузнецова читает книгу стихов (Вероятно, речь идет о книге "L'honneur de souffrir" (Paris: V.Grasset, 1927)) близкой к символизму Анны де Ноай (Anna de Noailles). Показательно, что книгу стихов Ноай покупает Кузнецовой Бунин, который обычно "громит" символистам: "Днём ходили с И. А. в город, и он купил мне книжечку стихов де Ноай" [2, 49]. На чем основан его выбор — неизвестно. А вот что могла знать Кузнецова об авторе: в 1897 г. Анна вышла замуж за маркиза де Ноай, их дом был центром светского и интеллектуального Парижа, она стала первой женщиной, принятой в Королевскую академию французской литературы и языка Бельгии, в 1910 г. французской академией была даже учреждена премия Анны де Ноай, а в 1921 г. она удостоилась Большой литературной премии Французской академии.

В начале своего пребывания в Грассе Кузнецова еще преисполнена амбициозных мечтаний, она еще не разочаровалась в обстановке и окружении и вполне готова примерить такое блестящее будущее на себя. И Бунин склонен вдохновлять ее на литературные подвиги. Она пока не считает Грасс заточением, а напротив, видит в нем в некотором роде место притяжения для интеллектуальной и художественной элиты русской эмиграции во Франции. А поскольку ей известно, что салон Ноай в Париже посещали П. Валери, П. Клодель, П. Лоти, Ф. Мистраль, она может сравнить этот цвет французской литературы с окружением Бунина. По крайней мере, ей мо—

жет казаться, что бунинский круг не уступает парижскому... И она, зная о судьбе этой поэтессы, надеется получить от нее заряд бодрости и некий импульс, который поможет и ей продвинуться по намеченному пути. Она так и записывает, что, хотя и не любит ее стихов, но в поэтессе "есть крупинки возбуждательного, а мне часто нужен какой-то крючок, с которого начинается писание" [2, 49].

Как видим, важную роль в формировании творческой индивидуальности Кузнецовой играют французские авторы. Автор "Грасского дневника" целенаправленно интересуется французской литературой, ведь именно во Франции происходит её формирование как литератора.

На страницах дневника отражены также факты чтения и/или обсуждения произведений самого Бунина, а также литературных, философских, научных и мемуарных произведений многих авторов. Приведём лишь некоторые примеры: "Читаю весь день "Петра I-го" Ал. Толстого. Зуров [Зуров Леонид Фёдорович (1902 – 1971) – русский прозаик, мемуарист. В ноябре 1929 г. по приглашению Бунина переехал во Францию, жил в Грассе и Париже.] говорит, что это лубок; но, по-моему, всё-таки талантливо. Чувствую тенденцию, освещение временами как будто издевательство над "заказом", но всё талантливо" [2, 156] (надо указать, что здесь заметна самостоятельность молодой писательницы в суждениях – ибо Бунин относится к "третьему" Толстому более сурово); "Пришло собрание сочинений Толстого <...>. Стала разрезать ту же хорошо знакомую мне "Анну Каренину" и опять потонула в первых же главах" [2, 232]. Здесь имеет значение не только известное ей преклонение Бунина перед Толстым, но и собственная увлеченность магией толстовской прозы. Вообще Л.Н.Толстой

занимает особое место в сознании Кузнецовой. Она перечитывает его повести о детстве и отрочестве, поскольку сама занята в это время вынашиванием замысла своего автобиографического повествования "Пролог", она читает свидетельства об его жизни, задумывается над его семейной драмой. И на фоне "приятия" Толстого нарастает отторжение от Достоевского: "Утром читала "Братьев Карамазовых". Только теперь по-настоящему понимаю Достоевского. Несет как Ниагара, утомляешься даже. Странно одно: как-то вдруг чересчур он мне стал ясен, понятна психология каждого героя, почти наверное знаю, что будет дальше, и это без враждебности говорю, а просто – знаю" [2, 238]. И вряд ли здесь сыграло свою роль неприятие Достоевского Буниным. Перед нами вполне зрелый и самостоятельный отзыв.

Таким образом, сквозной темой "Грасского дневника" можно считать творчество, ученичество и поиск своего личностного и творческого "я". Несмотря на то, что Бунин является главным персонажем дневниковых записей, нам представляется, что одновременно с этим не столько главным, сколько немаловажным связующим звеном дневникового повествования является динамичный образ его автора – Галины Кузнецовой. В динамике повествования угадывается становление ее личностных, литературных и творческих интересов и вкуса. Раскрывается, в конце концов, Галина Кузнецова как творческая личность – ведь все описываемые события, встречи, портреты и штрихи к портретам современников даются ею сквозь призму собственных переживаний и впечатлений, через описания состояний природы. А круг чтения и споры вокруг прочитанного становятся важным элементом мировоззрения и художественного постижения автором мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX века. История и теория жанра. Исследование. – М.: Флинта: Наука, 2002
2. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. – СПб.: Изд. дом "Мир", 2009.
3. Литературная энциклопедия. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932.
4. Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Изд-во "АсПУр", 2014
5. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии. – М.: Худож. лит., 1967;
6. Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. – М.: Молодая гвардия, 2009.
7. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. – М.: Вагриус, 2007;
8. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. – Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.